

Янник Прово

**Милен
Фармер -**
великий астронавт

Янник Прово

**Милен Фармер –
великий астронавт**

«Издательские решения»

Прово Я.

Милен Фармер – великий астронавт / Я. Прово — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830252-7

«Великий астронавт» — Милен Фармер хотела бы, чтобы о ней вспоминали именно с такими словами. Ей посвящено много произведений, которые напрасно пытаются постичь тайну её успеха. «Выдумывается моя жизнь, мои эмоции», — сказала она в 2006 году. В таком случае кто расскажет о карьере Милен Фармер лучше, чем она сама? В этой книге прослежено тридцать лет карьеры певицы, описанные исключительно её высказываниями, взятыми более чем из трёхсот пятидесяти интервью в период с 1984 по 2013 год.

ISBN 978-5-44-830252-7

© Прово Я.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Биография	7
Детство и юность	7
Конный спорт, манекенщица и театр	14
Семья и близкие люди	17
Дебют в песне	20
Глава 2. Карьера	22
1984 – 1986	22
Maman a tort	22
Bip be bou rock'n roll	23
On est tous des imbéciles	23
L'annonciation (Благовещение)	25
Plus grandir	25
Libertine	26
Альбом «Cendres de lune»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Милен Фармер – великий астронавт

Янник Прово

© Янник Прово, 2016

© Юрий Михайлович Касьяненко, перевод, 2016

© Юрий Михайлович Касьяненко, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Великий астронавт» – Милен Фармер хотела бы, чтобы о ней вспоминали именно с такими словами. Великая завоевательница воображения, которая смогла принять вызов своей профессии. Единственная французская артистка, оставившая след на протяжении четырех десятилетий благодаря своим хитам, клипам и концертам, прошедшая путь от рекламной манекенщицы до сцены Stade de France двадцатью пятью годами позже. Певица, рассказывающая о своих мечтах и кошмарах в текстах, которые она сама пишет, при этом парадоксальным образом оставаясь человеком, которого СМИ считают «загадочным». Ей посвящены многочисленные произведения, представляющие собой напрасные попытки постичь тайну её успеха. «Выдумывается моя жизнь, мои эмоции», – сказала она в 2006 году. В таком случае, если рассказывать о карьере Милен Фармер, то кто это сделает лучше, чем сама Милен Фармер?

В данном произведении, не являющемся официальной биографией, прослежено тридцать лет карьеры, описанные исключительно высказываниями певицы, взятыми более чем из трёхсот пятидесяти интервью в прессе, на радио и телевидении, которые она давала в период с 1984 по 2013 год. Ничего из приведенной информации не было выдуманно или взято из слухов и сплетен. Всё, что вы найдете в этой книге, взято из интервью, которые певица давала в СМИ.

Несмотря на то, что для сохранения максимальной близости к объединённым высказываниям и для обеспечения легкости чтения было сохранено личное местоимение «я», это ни в коем случае не говорит о том, что в данной биографии речь идет от лица Милен Фармер. Целью трёх лет работы было связать и объединить все мысли, толкования, вдохновения и пристрастия, все тропинки её жизни, которым она сама разрешила проявиться с течением времени. Очевидно, что за тридцать лет всё в мире меняется: её первоначальные убеждения не обязательно совпадают с теми, которые она имеет сегодня.

Эта биография не является «истиной в последней инстанции», но это «правда». Потому что Милен Фармер сама определяет свою жизнь, и привилегия быть артисткой состоит в том, чтобы иметь возможность исказить информацию, когда она этого пожелает. Если во время интервью она что-то придумала, и вы можете это заметить, то данное высказывание так и будет записано. И это является частью персонажа, жизнь которого она захотела прожить. И какого персонажа: великого астронавта!

*«Когда тайны очень хитрые, они прячутся в свете»
(Жан Гионо)*

Глава 1. Биография

Детство и юность

Я родилась в канадском городе Монреале, расположенном в провинции Квебек, в 1961 году. Там я выросла и находилась в течение восьми с половиной лет. Помню только название «Sainte-Marcelline». Поэтому у меня есть возможность иметь две национальности, два паспорта: один французский, другой – канадский. И сегодня я прекрасно себя чувствую по обе стороны Атлантики. В соответствии с настроением я или француженка, или канадка. Но это не очень практично для налогообложения, уж поверьте мне! Мой отец был инженером мостов и плотин. Он поехал в Квебек, чтобы принять участие в строительстве плотины Маникуаган (Manicouagan).

У меня никогда не было акцента. Или, во всяком случае, тот, который у меня немного был, быстро прошел. Даже проведя в Канаде первые восемь лет своей жизни, я не скучаю по ней. Нет, откровенно говоря. Я помню себя очень мало. Там моё детство проходило нормально, в целом – относительно легко. Я была слишком маленькой, чтобы у меня остались какие-то точные воспоминания, ещё меньше у меня ностальгии по тому времени. Только какие-то запахи, какие-то вкусы. Моё первое очень точное воспоминание о Монреале: небольшой автобус, школьный автобус, который возил меня в школу. Я это обожала! Но я всегда испытывала отвращение к тем песням, которые мы все вместе пели хором в этих школьных автобусах. На самом деле, я никогда не любила коллективные вещи. Я так же хорошо помню свою первую книгу, которая называлась «Да-да и жандармы». Кроме шуток! Название гениальное, не так ли? Впрочем, может быть она нравилась потому, что совсем маленькой я хотела быть жандармом. Мой первый фильм – «Бемби» Уолта Диснея. Это мой любимый фильм на все времена.

Это всё, что у меня осталось от первых лет в Квебеке, а так же убежденность в том, что приятнее умереть от холода, чем от жары. Об этом мне сказал снег! У меня больше этого глупого воспоминания о мире снега, чем о солнце. Зимой его выпадало от одного до полутора метров. Я питаю глубокую любовь к этой незапятнанной чистоте, к снегу, к холоду. Я помню эту белизну, эту безжизненность. Приятное чувство. Это пейзаж, который я нахожу самым красивым. Это украшает город, страну. Вкус к снегу, вероятно, связан с тем временем. Мне говорили, что я вдоволь его наелась! Я была спроецирована в космос из самого центра снегов, и эти пейзажи глубоко меня трогают, без сомнения, ещё и из-за отсутствия следов. Я всегда упоминала холод в своей карьере... Это навивает грусть, меланхолию – вещи, которые могут быть прелестными. Иногда мы любим делать себе плохо, есть определенное наслаждение от этого состояния. Назовите это садомазохизмом, если хотите. Потом я научилась любить солнце. Всё же помню снег, да ещё кленовый сироп, так как я большой гурман. Это вкус, который я заново открыла во Франции, и это всё, что всплывает в памяти. Мне очень нравилось расти ребенком в Канаде в окружении огромных природных просторов. Я туда возвращалась только один раз на очень короткое время, поэтому бы я не назвала это очень приятным. Эта страна кажется мне слишком спокойной.

Я получила углубленное религиозное образование одновременно с обычным образованием. Я ходила в школу сестер Марселин. Признаюсь, что я исповедовалась всего один раз, когда была маленькой, и у меня было беспокойство. Я всего лишь успокоилась, чтобы не прельщать священника, преподававшего основы веры. Я была травмирована монахинями: они шлепали меня, когда я опрокидывала свои десерты на землю. Я очень хотела бы ответить им, но у меня ещё не хватало на это силы духа. Честно говоря, я не испытывала страданий от этого

образования, хотя у меня не было какого-либо влечения к данной области. Это абсолютно опровергает историю, рассказанную журналистом, будто маленький хорёк помочился на меня, что от этого я получила серьезную травму, и чтобы смыть этот позор, моя мама посадила меня в ванну с помидорами. Это, конечно, очень красивая история, немного драматичная, немного скандальная, но она не соответствует действительности.

До возраста десяти лет я жила счастливым детством. Я была очень открытой, разговорчивой... Потом мы переехали во Францию, в парижский пригород возле Версаля. Это работа моего отца привела нас в Париж. Переезд во Францию был немного трудным моментом, довольно сильным шоком. Во всяком случае, так мне рассказывали. Не скажу о культурном шоке, так как его не было, но поведение и стиль жизни радикально отличались. Это довольно шокирующее состояние для детей. Оно выражается через агрессивность, более суровые отношения. Например, у меня никогда не было много друзей во Франции. Напротив, в Канаде, когда был день рождения, он праздновался не в узком кругу: было до ста детей. Это было довольно удивительно. В то же время здесь это намного более сдержанное событие. Следовательно, и дружба намного более избирательная. И даже сейчас люди, которые едут в Канаду, всегда удивляются приёму этого народа, потому что в этом есть что-то особенное. В Париже отношения холодные, лаконичные. Люди ощущают все вещи абсолютно другим образом. Может быть, там они менее раздраженные, чем здесь. Но я являюсь частью «раздраженных», поэтому мне лучше здесь. К счастью, когда мы маленькие, мы на самом деле не отдаем отчета этим вещам. Дети обычно не имеют особых трудностей вхождения в новый коллектив, и они реально легко адаптируются.

Когда я была очень маленькой, я не переставала петь. Я мечтала о профессии артиста, но я не думала по-настоящему о песне. Я не покупала диски, моей единственной страстью были животные. Поэтому я видела себя скорее инструктором верховой езды. В возрасте десяти лет в Канаде у меня был приз за пение. Я уже не могу вспомнить, какая это была песня. Это была короткая песня-считалочка. В следующем году я была второй. Я всех оскорбила. С этого дня мой характер развивался с этим чувством! Я родилась в гневе! Я начала с состояния «я ненавижу», но потом научилась любить. Именно это чувство никогда меня не покидало, оно постоянно росло.

В колледже я, возможно, слыла эгоцентристкой, я хотела быть в центре внимания, чтобы быть узнаваемой. Я хотела делать всё, что не делают другие, так как была поражена страхом быть похожей на кого-то. Это было на самом деле: и в классе, и дома, и на улице, а именно – этот панический страх быть похожим на заурядность. Есть люди, которые созданы для того, чтобы соглашаться. Соглашаться на жизнь без причинения себе существенных страданий. А ещё есть другие, как я, у которых всё становится боем на арене. Мы вечно хотим сказать, что мы там, на арене. Это замечательное желание существовать. Возможности преподавателей, их право говорить, что этот вариант хорош или плох, возмущали меня. Меня возмущали не замечания, а главным образом оценки. Мне всегда было нужно, чтобы я обращала на себя внимание. В возрасте примерно одиннадцати – двенадцати лет я часто была невыносима. В школе я была немного шумнее, чем дома. По обыкновению, я часто имела дар раздражать своё окружение. Но в какой-то год, в шестом классе, одна красивая светловолосая женщина, которая в то время была нашим преподавателем французского языка и театра, однажды не наказала меня. Она поняла, что если бы она не вступила в мою игру, то я сама успокоилась бы. Это было правильным решением, я стала прилежной ученицей на этих предметах. Я хотела бы поблагодарить её за понимание. Разумеется, что мне необходимо было удерживать твердые позиции в школе, но для меня было пыткой ходить туда. Мне вспоминается одна удивительная вещь: у меня был парадокс приходить на один час раньше, так как я никогда не любила опаздывать на уроки. И как только я садилась на лавочку, это было... это мазохизм! И зимой, и летом я единственной оказывалась в семь часов тридцать минут перед дверями, в то время как мы начинали только

в восемь часов. Зато я не испытывала никакого интереса к продолжению дня. Это странный парадокс, который я никогда не могла себе объяснить. Таким образом, ребенком во мне одновременно была смесь интровертной личности, и в то же время я нуждалась в том, чтобы быть заметной. Я всегда любила удивлять. Провокация – это пикантность жизни. Я одновременно безумная и мудрая. Это мучительно и потрясающе встретить лицом к лицу все эти эмоции. То, чему я сегодня следую – это только конкретизация данного состояния разума. Для меня не всё было очень понятным, даже если я не была ни шизофреником, ни аутисткой. У меня нет никаких воспоминаний этого странного периода, который я не любила. Всё то, что входило в круг школьного обучения, я ненавидела. Я не была травмирована, родители меня не обижали, как-то так. Сказать обо мне, что я просто бунтовщица – меня это, в общем, устраивает. Или, тогда уж, страстная бунтовщица. У меня впечатление, что я непонятна. Сегодня, если не всё радужно, я могу лучше управлять своей внутренней неразберихой.

Я прошла через школьное обучение, которое считала не имеющим ни цвета, ни запаха. У меня была репутация недисциплинированной ученицы, но я всё же смогла поддерживать успеваемость на хорошем среднем уровне. Кроме математики, где я была совершенно нулевой. Мой анти-декартовый ум не смог приспособиться к математической логике. Я не являюсь апостолом арифметики. Между мной и алгеброй всегда была психологическая несовместимость и недопонимание. В школе это был парад одних нулей. Зато я любила историю. Для меня это одно из хороших воспоминаний о школе. Я хотела бы жить во времена Людовика XV. Королевы, куртизанки и маленькие маркизы всегда меня очаровывали. Я была довольно-таки успешной во французском языке, я обожала его, но иногда с немного анархической орфографией. К сожалению, мне этот предмет преподавали учителя, которые ненавидели его. Анатомия тоже была предметом, в котором я преуспевала. Больше из-за рисунков, которые сопровождали материал. Я так же помню, что делала куклы, которые изображали каких-то людей. Я никогда не пронизывала их иголкой. Так же я очень любила рисование, театр и естественные науки.

В течение трех лет колледжа я изучала русский язык в качестве третьего языка. Но я на нем не разговариваю и понимаю всего лишь несколько фраз. Это довольно трудный язык. Я быстро забросила его, так как он действительно очень труден в употреблении. Чтобы изучить русский язык, нужно проникнуть в мир этой страны, другой культуры, посвятить этому всё своё время, «вернуться в монастырь». Я была очень успешна в поэзии, чтении. В ходе школьного обучения я получила блестящий диплом за дистанцию в двадцать пять метров, но у меня была фобия к воде. Три или четыре раза мне приходилось звать на помощь тех, кто находился на берегу.

До четырнадцати лет я была настоящим сорванцом. Я с большим трудом заставляла себя видеть в своем лице черты молодой девушки, чтобы жить как женщина. Я играла роль мальчика. Я родилась с телом гермафродита. Моя мама всегда любила наряжаться, и это неизбежно повлияло на меня: я, так или иначе, поневоле заразилась этим. Но когда мне было четырнадцать – пятнадцать лет, наш бюджет относительно одежды был ограничен. Поэтому я, прежде всего, искала хорошие сочетания цветов, в результате чего находила оригинальные формы. В конце концов, я остановилась на брюках, и я, в частности, припоминаю комплект одежды из бордового (я потратила время на этот цвет) пуловера и разнообразных брюк, в чем я находила наиболее красивый результат. В то время у меня были очень короткие волосы, а до этого в течение долгого времени у меня была длинная челка, которая доставала до верхней части носа! В определенном смысле я имела вид, из которого чуть позже становятся «панком». В какой-то момент своей жизни я подумала о том, что нахожусь между двумя полами: я была среднего роста, очень худой, носила только брюки, все мои друзья были мальчишки. И чтобы лучше на них походить и быть более мужественной, я даже засовывала платок внутрь своих штанов. Весь этот период был «чистилищем» моего поведения. Я всегда предпочитала

компанию и игры мальчиков. Я играла в машинки! Я предпочитала грузовики играм девочек. Я никогда не любила играть в куклы, в детскую кухню. Как в мультфильме «Том и Джерри», я делала маленькие бомбочки, закупоренные пробкой с фитилем, которые я оставляла перед подъездами и убегала. Так же я занималась разведением дождевых червей. Мне всегда нравилось зарывать руки в землю. Это правда – меня принимали за маленького мальчика! Помню случай, который прочно врезался мне в память: я пошла за почтой, и охранник нашего дома спросил, как меня зовут. Я ответила: «Милен». Тогда он серьезно сказал: «Милен – это очень красиво для маленького мальчика». Потому что в то время у меня был довольно низкий голос, который я вынуждена была повышать со временем. В самом начале у меня была озлобленность. А потом, я не знаю, мне это казалось очевидным. Поэтому тогда я была полу-мужчиной, полу-женщиной. Это было довольно странным состоянием. Моё желание быть мальчишкой обернулось одержимостью, нервозностью. Я отказывалась быть девушкой! Однажды я попросила оружие у полицейского. Но кроме этого, я никогда не переодевалась в кого-то другого, я не брала одежду у своей мамы и не имела какой-то склонности к этому. Сегодня я всё ещё увлечена мужскими формами. Позже, когда моё тело окончательно приобрело более женственную форму, когда природа заявила о себе, я чувствовала себя в коже кого-то другого, как будто я была покрыта какой-то странной оболочкой, которая могла стеснять мои движения. Прямо как в фантастическом фильме! И только совсем недавно я освободилась от этого чувства стеснения, и теперь я в большей гармонии с собой, хотя иногда я все ещё не могу переварить тот факт, что я женщина!

То, чего я не выносила в подростковом возрасте, так это быть потерянной среди тридцати тысяч муравьев. И это именно то, о чем нас просят в юности: не быть маргинальными, хорошо погрузиться в массу. Да, я страдала от этого! Я грустила, я была относительно одинока. Я слушала Genesis, les Doors, les Eagles, Bob Marley, Gainsbourg, Brel, Brassens, Serge Reggiani, Gréco, Barbara, Dutronc... Этот период я классифицировала как «совсем одна на дне в углу»: довольно-таки замкнутая девочка перед своим революционным периодом. Разумеется, это было немного паранойей. В каждой мысли самоанализа я себе говорила: «Это для меня». И потом отказ от всего. Я всей душой ненавидела школу, лицей... Я вообще не любила свою юность! Я очень трудно переходила от детства к юности. Прежде всего, мы не любим сами себя, и при этом я даже не нуждалась в присмотре со стороны других. Я всегда была склонна к самоцензуре. У меня не было возможности вести личный дневник, несмотря на имеющееся желание к этому. Мне нужно было открыть других, которых звали Мопасан, Эдгар По или Стриндберг... Я никогда не была поклонницей хоть какого-то певца, я ни от кого особенно не фанатела. На стенах своей комнаты я предпочитала копии картин Сальвадора Дали в виде фотографий, вырезанных из журналов.

Потом, как и все, я пошла в лицей. Это ещё один период моей жизни, который я не люблю. Мои занятия там были очень беспокойные, так как тот, кто проводит занятие, олицетворяет властность. И как я ненавидела всё, что было властным, я была в постоянном мятеже со всем этим школьным обучением. Но я всё же закончила первый уровень, отходила два дня в выпускной класс А4, и после этого я была исключена из школы. Наконец я сделала что-то такое, чтобы быть исключенной... Я была убеждена, что займусь творческой профессией. Меня привлекал конный спорт. Это вид искусства, но он немного своеобразный, может быть более заброшенный по отношению к остальным. Если не конный спорт, то это скорее были бы театр и кино, которые очень меня привлекали. У меня абсолютно не было склонности стать певицей. Песня казалась мне намного более труднодоступной. На самом деле, я никогда не говорила своим родителям: «Я хочу играть в спектакле». Я просто сказала, что хочу уйти из школы. И потом, это было взятие ответственности на себя. На эту тему не было никаких разговоров...

Мне было семнадцать лет, когда я впервые воспользовалась макияжем. Я нанесла себе подводку для глаз. Я выходила очень мало. Я не любила ночные кафе, не любила бродить

в толпе. И я никогда не была на вечеринках. Я всегда приходила в ужас от этого. Я ходила туда два – три раза, чтобы посмотреть, что это такое, но это не моё. Дискомфортно. В то время я не считала это чем-то «излишне примитивным», но я там чувствовала себя подавленно. Я предпочитала оставаться дома. Я припоминаю первый раз, когда вечером я вышла одна: я пожалела об этом, я не могла найти дорогу домой. Обрато меня привезла полицейская машина. Впервые я поехала за рулем в Булонском лесу. Это был Renault R5 Alpine. У меня не было водительского удостоверения, и я заставила себя остановиться. Я, конечно, пела, что я свободна. В противоположность этому, настоящая вечеринка для меня была в Канаде во время Хэллоуина. Все дети наряжаются, выходят на улицу и звонят в двери. Если взрослые не дают им конфет, то на пол бросают муку.

У меня было несколько подруг, несколько очень хороших подруг, которых я покинула, и это вполне нормальная ситуация. Мне посчастливилось иметь умных, открытых и великодушных родителей. Если я хотела поговорить с ними, то я делала это без всяких проблем, но мой характер подростка-интроверта больше толкал меня к молчанию. Впоследствии я два раза сопротивлялась тому, что они планировали для меня. После двух дней, проведенных в выпускном классе, я хлопнула дверью лица, чтобы продолжить карьеру в конном спорте. Мы позволяем себе нестись дни напролёт, и в одно утро мы говорим себе: «Стоп! Моя учёба закончилась!» И именно это произошло. Мне было восемнадцать – девятнадцать лет. Мои родители хотели видеть, как я закончила бы среднюю школу и получила бы степень бакалавра, чтобы потом подготовиться к поступлению в то или иное высшее учебное заведение. Они видели меня выпускницей высшей административной школы (ENA) или инженером, как мой отец. Мои родители видели меня замужем за молодым выпускником ENA, от которого у меня было бы пятеро детей! Это в то время, когда у меня было стойкое убеждение, что я должна добиться успеха в творчестве, но я ещё не знала в каком именно. На самом деле, кроме трудного поначалу нашего «переселения», я жила в довольно хорошей атмосфере, в окружении братьев и сестер, как в большинстве других семей. Я никогда не перестану благодарить своих родителей за то, что они смогли прекрасно решить вопрос карманных денег. У меня их было не слишком много. Но в достаточном количестве, чтобы всегда ценить вещи, которые оставались желанными. Признаюсь, что я была в шоке, когда узнала чрезмерные суммы, которые получали некоторые ученики.

Быть во власти воспоминаний о детстве – это часть жизни каждого человека. Это период, который оставляет след на всю его оставшуюся жизнь. Я с трудом себя вспоминаю. Впрочем, я никогда не могла это сделать. Я люблю детство, но оно меня тревожит. Моё детство настолько смутное, странное... Дети пугают меня: их невинность, их жестокость беспокоят меня. Но парадокс состоит в том, что это я в них и люблю. Мы их прощаем, так как говорим, что ребенок невиновен. Я так не считаю.

Я раздражаю многих людей, так как почти не имею никаких воспоминаний о своем детстве. У меня такое впечатление, что я недооцениваю этот период: у меня нет реальных воспоминаний до возраста примерно пятнадцати лет, и моя юность уже подходит к тому моменту, чтобы стереться. До возраста десяти лет – это вообще полная чернота, и это печально. Я не знаю, кто я была. Я сохранила определенный взгляд, «одержимый» к прошлому. Это нечто, от чего мне так и не удалось окончательно избавиться... Есть моменты, которые остаются необъяснимыми, все они сливаются в большой знак вопроса. Это как пропасть: ничего. У меня есть провалы в памяти, это очень беспокоящий момент. Это тоже соответствует болезненным чувствам, но не конкретным, а выражаемым через необычные случаи. Я встречала людей, которые страдают от одного и того же, но при этом они не выходят из состояния уравновешенности. Я могу создать эти воспоминания, но в них я не буду настоящей. Я боюсь каждого интервью, в котором я должна объяснять эту черную дыру. Иногда меня склоняют к тому, чтобы я придумала воспоминания для обретения покоя! Я не понимаю, как можно подумать о том, что я

выдумала эту амнезию, чтобы не говорить о своем прошлом?! С точки зрения сложности жизни я ничего не придумала: это часть меня. Я не пытаюсь создавать себе важность, таинственность.

Мои воспоминания оставляют меня в умиротворении, так как в большинстве случаев я их забыла... Спрятала... Потеряла... Память можно потерять так же, как теряется багаж накануне длительной поездки. Поездка сложнее, но, возможно, легче... Именно с выжившей вы сейчас разговариваете! То, что у меня осталось, так это очень плохие воспоминания. Я не хочу кидать камень в своих родителей, так как они у меня всё-таки были нормальные, и я росла в комфортном окружении. Но во время своей юности я испытывала эмоциональные лишения. Это источник моего травматизма. Юность – это что-то ужасное, без чего-то очевидного. Изначально мы все очень чувствительны, но существует сверхчувствительность. И, несмотря на то, имеете ли вы где-то в глубине любовь или не имеете, вы не чувствуете эту любовь. Или, возможно, вы её недооцениваете. Или требуете избытка. Следовательно, в этом смысле вы будете страдать. Я должна быть единой с такими людьми, если я могу охарактеризовать себя в категории гиперчувствительных, и поэтому требовательных, существ. Впоследствии мои проблемы только накапливались, разрыв усиливался. Я стала чужаком в своих собственных глазах, и в то же время, эти проблемы меня опьяняют. Порочный круг. Однако я никогда не была ребенком для битвы! Я проклинала свою мать за то, что она родила меня, а немного позже я обожала её. Разумеется, я очень долго мечтала. Но у меня абсолютно нет пристрастия к прошлому, это также должно исходить и от родителей. Я просто знаю, что у меня не было несчастного детства, что не было какого-то события, которое вдруг произошло, а я полностью замкнулась в себе и должна была всё стереть из памяти. Может быть это всего лишь полное игнорирование меня, ребенка... На самом деле я никогда раньше не задавалась этим вопросом. Я стираю всё, что произошло вчера вечером. У меня есть дар ничего не помнить, за исключением того, что действительно достойно внимания. Моё детство, моё недавнее прошлое – я не хочу помнить это каждую секунду! Это означало бы регрессировать. Я нуждаюсь в том, чтобы двигаться вперед, а не оглядываться назад.

Сегодня я являюсь той, кем я создала себя за прошедшую жизнь. Во мне есть что-то сильное с большим количеством трещин вокруг. Я знаю свою тайну, свой секрет. В глубине себя я знаю, почему я всё затенила из своего детства. Даже если я очень низко падаю, эта сила спасает меня. Я пробую всё больше и больше, и я признаю, что нелегко навсегда извлечь из моей жизни обиды. Я никогда не вылечусь от своего детства, по крайней мере, от того, что я помню. Мы можем его анализировать, установить небольшую дистанцию, простить. Эмоции остаются на прежнем месте. Спрятанные, но целые. Что оно мне воссоздает из образов? Я пытаюсь понять как можно меньше! Неизгладимые раны так и остаются отпечатанными. Они понемногу заживают, но суть остается. У меня больше нет желания говорить об этом. Я почти ничего не забыла из своей юности. Это было трудное время, но я меньше всего желаю его тем, кто делал мне больно. Они тоже были пленниками своих проблем. Я простила, но не забыла. Я никогда не доходила до состояния, когда можно с любовью смотреть на переносимые страдания. Сегодня я немного больше мирюсь со своим прошлым, так как вместо того, чтобы пытаться приручить его, я научилась хранить только приятные воспоминания, несущие энергию. У нас есть бремя, которое нужно нести – это совершенно очевидно. И открытые раны с трудом заживают. У нас у всех есть темные моменты жизни, я их ношу в себе и буду носить до конца своих дней. По прошествии времени и с приходом успеха, я так полностью и не приручила свои страхи, страдания. Нет, это, наверное, не серьезно. Или очень серьезно – я не знаю! У меня нет ответа, но я, разумеется, перевязала раны. Всегда есть слово, которое приходит на ум из словарного запаса каждого из нас: это слово «скорбеть». К сожалению, я не думаю, что мы можем что-то оплакивать. Мы можем попытаться снова возродить жизнь и вещи, которые помогают нам держаться, просыпаться, улыбаться. Но всё, что является болью, что является сомнением, что является страхом – есть в этом слове, оно прочно там засело. Это часть вашей

крови, ваших вен – это так. Это имеет место и, вероятно, это необходимо, а может быть – нет, но это так. Это необходимо для созидания, это помогает в определенном творчестве. Мы тоже учимся вместе с жизнью, временем, вместе со своим опытом. Опять же, попробуйте иногда отставить ваше бремя в сторону – оно может очень быстро появиться вновь. Но рассказывать о природе моих ран... Иногда они четкие в моем сознании, иногда смутные – я об этом ничего не знаю. Это тоже факт, что у меня мало воспоминаний о моем детстве, и я признаю, что это смущает и меня. И не призываю к анализу... Иногда я мечтала о перерождении под гипнозом или путем психоанализа. Это сильные моменты, которые наложили на меня отпечаток, чтобы снова обнаружить в исходном состоянии эмоциональную напряженность того времени. Но идея исповеди перед врачом как перед священником меня ужасает. Некоторые готовы пожертвовать собой на диване, чтобы поговорить о своих фобиях и фантазиях. Я предпочитаю пережить их самостоятельно и быть своим собственным психоаналитиком. И всё это не пройдет бесследно, а только ухудшится. Психоанализ интересует меня с точки зрения интеллектуальной жизни, но у меня нет времени и я не уверена, что у меня есть желание для такого рода самоанализа. Несомненно, я нуждаюсь в том, чтобы понять себя. Я ещё колеблюсь, может быть из-за страха. Страх убить свою созидательную способность, своё вдохновение. Именно боль вызывает слова, которые порождают песни. Так как мои сомнения, мои эмоции позволяют мне писать и петь. Это мой смысл существования. Но созидательность, разумеется, не лечится. Без сомнения, можно вылечить свои неврозы, но я видела, как после прохождения консультаций люди становились ещё более нервными. Однажды, в 1994 году, я подумала об этом. Я была в состоянии крайности, и я пошла кое к кому. Я остановила первый сеанс. Я не могу довериться, исповедь действительно не для меня. Я испытывала любопытство, но если бы я подверглась более полному анализу, или если бы я сделала его в этот момент, я бы о нем не говорила. Я оставляю за собой право давать те ответы, которые меня устраивают. Сейчас нужно остерегаться моих высказываний. Вещи не остаются неизменными – это одно из учений буддизма. Я думаю, что я самостоятельно прошла весь путь, который приближается к психоанализу. В данный момент нужно быть одной. Это больше монолог, чем диалог. И у меня нет особого желания узнать о причинах моих тревог. Из них одни я не буду вспоминать, другие я не хочу знать. Это незаметные страницы, которые, опять же, мне нет необходимости знать. Знать о том, почему и как что-то происходило. Давайте оставим это в неизвестности!

В памяти всплывает один сон, который является одним из редких моих воспоминаний: огромная постель, белые простыни. Там я сжимаюсь в позу эмбриона. Передо мной огромная пуповина, действительно огромная. Мне предстоит разорвать её, но как? Зубами? Я – только ребенок...

«Забвение – это сон нашей боли»

(Люк Дитрих)

Конный спорт, манекенщица и театр

Начиная с того времени, когда я была маленькой, у меня появилась большая любовь к лошадям. Эта страсть постигла меня в возрасте десяти лет. Конный спорт является единственным видом спорта, которым я занималась. Я пробовала пианино, классический танец (было единственное занятие, так как в конце у меня кружилась голова), потом попробовала конный спорт, и мои родители вынуждены были сказать себе: «Ещё один из её капризов!» На самом деле, мама была не права, так как я действительно увлеклась этим делом, начиная с того, что три раза в неделю я ездила на тренировки, и заканчивая тем, что я уезжала на летнюю практику... Это занятие было для меня, я была поклонницей скачек, конкурсов. У меня не было страха, когда я впервые села на лошадь. Это то, что я выбрала, будучи совсем молодой, и я многого в этом достигла. Однако я не могу вспомнить кличку любимого коня.

В одиннадцать лет я захотела поехать на стажировку по конному спорту в Англию, но я быстро разочаровалась в этой поездке, когда увидела спальню с пятнадцатью двухъярусными кроватями, а так же от строгой дисциплины. Нас принуждали разговаривать только по-английски, за каждое слово по-французски следовало наказание. В отместку я разговаривала по-русски, чтобы досаждать той женщине, у которой мы разместились. Когда мне было двенадцать или тринадцать лет, я мечтала только о конном спорте и о лошадях. Я очень много ездила верхом, желая постичь свою профессию. После окончания начальной школы (наконец-то, начало моего выпускного класса) я стала заниматься конным спортом с усердием. Я посещала курсы, потому что тогда любила и сейчас люблю лошадей, и я хотела принимать участие в соревнованиях. В восемнадцать лет я посещала конный центр. Это была специализированная школа, где я интенсивно изучала конный спорт. Я посещала эти курсы в период с четырнадцати до девятнадцати лет. Это происходило в Версале. Я достигла второго уровня, чему была безумно рада. Однажды я увидела свою кобылу Джулию, которая во время тренировки сломала заднюю ногу и умирала на моих глазах. Это было ужасно.

Я мечтала только о том, как войду в школу конного спорта Сомюра (Saumur)¹ и передам свой диплом инструктора. Это не понравилось моим родителям. Я уехала на очень короткую стажировку в город Кадр Нуар (Cadre Noir), расположенный близ Сомюра, чтобы внимательно посмотреть на то, как проходит сдача экзамена, который должен был сделать из меня инструктора. Я даже получила льготы от федерации из-за своего возраста, но, в конечном итоге, я не поехала на заключительный этап. Это означало, что я никогда не буду кого-то учить верховой езде, так как я стала жертвой падения, которое не позволило мне продолжить мою учёбу. Перелом ключицы и травма черепа перечеркнули мою карьеру всадницы. Я действительно боялась остаться парализованной на всю жизнь. Таким образом, мне не удалось сдать экзамен на звание инструктора, что полностью отбило у меня охоту к этому занятию. Нужно сказать, что это очень трудный экзамен, особенно когда тебе семнадцать лет, а остальным кандидатам – двадцать пять в среднем. Я прошла несколько конкурсов, но единственным препятствием, в котором я никогда не преуспевала, была педагогика профессии. Я слишком далека от этого. Может быть, из-за этого я и изменила свою дорогу, отказавшись от конного направления. Но я действительно хотела постигнуть свою профессию. Сегодня я знаю, что не ошиблась в выборе. Вспоминается интересный момент: когда я прошла первый этап экзаменов на звание инструктора, мне задали судьбоносный вопрос: «Почему вы хотите заниматься именно этой профессией?» На это я прямо ответила, что хотела бы создать центр верховой езды для инвалидов,

¹ Saumur – город, расположенный в центре Франции, восточнее Нанта, и являющийся центром конного спорта Франции. (Примеч. переводчика.)

и после этого они замолчали. В тот момент я поняла, что так или иначе я никогда не буду заниматься этой профессией.

Сидеть верхом на лошади – это огромное удовольствие. Исчезают тревоги, больше ничего не имеет значения. Этот спорт я советую всем, несмотря на то, что уже долгое время не занимаюсь им, чтобы избежать несчастного случая. Смешно, но сегодня я немного боюсь ездить верхом на лошади, делать трюки. Потому что я занимаюсь этим всё меньше и меньше, и, возможно, в этом также виноват и возраст.

В день, когда я покинула школу, и когда я поняла, что конный спорт, которым я усердно занималась, не будет моей профессией, я решила, что хотела бы стать актрисой, и захотела посвятить себя театру. Может быть, это произошло из-за необходимости выделиться и более уверенно выглядеть в глазах других. Я уже ощущала желание быть в лучах софитов, но в то же время и не показываться в них. Но после обучения в лицее это была черная дыра! Напрасно говорить себе: «Я хочу быть актрисой, я хочу работать в театре или в кино», если невозможно найти кого-то, кто вас повёл бы. Вы ненамного продвинетесь вперёд.

Весь тот период был насыщен различными делами. Я продавала обувь и даже помогала гинекологу! Я начала с того, что параллельно со своими делами сделала несколько рекламных фотографий для прессы, чтобы заработать деньги на карманные расходы. Также я много работала у японцев в качестве манекенщицы. Сразу после лицея я подрабатывала «молодёжной манекенщицей», чтобы заработать немного денег для оплаты актерских курсов. Я была манекенщицей, но никогда не участвовала в дефиле, так как я не такая уж и высокая. Моя работа больше ориентировалась на рекламные ролики и на фотографии. Я не думаю, что можно говорить о каком-то стремлении к этому или о школе манекенщиц. Впоследствии я полностью оставила это дело, так как оно меня не интересовало, и было абсолютно не тем, к чему я стремилась. Эта профессия не вызвала у меня никакого интереса, я занималась этим действительно как дилетантка и только для того, чтобы быстро и легко сделать жизненный старт. Но кроме всего прочего, это была хорошая школа, и школа очень жестокая. Через это нужно было пройти, чтобы закалить свой характер и способность защищаться. Этот период остаётся периодом, который я так же ненавижу, как и свою юность. Таким образом, прежде чем петь, я начала с позирования. Песня становится более близкой, а также более уважаемой.

К шестнадцати годам, когда я решила, что конный спорт не будет моей профессией, а так же из-за того, что в классе я в какой-то мере была скоморохом, я пошла на двух-трех годовые театральные курсы Даниэля Месгиша. Возможно, что о театре я думала и раньше, но я никогда не думала о нём серьезно. Впрочем, я столкнулась с ним в школе. Совершенно очевидно, что он был во мне уже долгое время и выражался в том, что у меня было желание как-то выделиться и делать то, что другие не делают. Не говоря о призвании, я чувствовала, что данное стремление было очевидным, даже если это не означает, что его легко было реализовать. Я просто знала, что это было тем, что я должна была делать. Я никогда не задавалась вопросом «почему». Может быть, это просто было желание забыться и тяга к творчеству. Я чувствовала, что это была жизненная необходимость, потребность во взглядах других людей, доходившая до того, что я говорила: «Если я не буду сниматься в кино, то я умру». Конечно, это были только слова, и они были немного преувеличены. Разумеется, я не имела ввиду, что я застрелюсь, но умереть можно и другими способами: можно замкнуться, чтобы скорбеть о том, что мы...

Я была на курсах Флорана (Cours Florent), на тех же театральных курсах, которые посещал и актер/режиссер Пьер-Лу Ражо (Pierre-Loup Rajot). Учат ли там чему-нибудь? Я часто оставалась после занятий. Но это остаётся интересным периодом. Там я встретила преподавателя, которого очень любила, но это всё. Что касается игры и всего остального, то не думаю, что я там чему-то научилась, но это из-за того, что я ничего не хотела изучать. У меня была несовместимость, но не в плане характера, а в плане театра и игры. Признаюсь, что у меня не было такой же манеры речи. В ней много кривляния, дергания, и мало того, что меня вдохновляет.

Я всегда знала, что нужно было ждать подходящий момент, чтобы дать то, что я должна дать. Сейчас я согласна гримасничать. Но тогда, без сомнения, это был неподходящий момент. Я любила смотреть, как работают другие, это мир, который я очень любила, но я, например, не очень-то хотела подниматься на сцену: я была слишком замкнутой и слишком боялась, что не смогу выйти на сцену. Однако намного позже, поднимаясь на сцену, чтобы петь, я заметила, что это бой, который может закончиться чем-то более радостным. Подниматься на сцену – это может казаться очень естественным, но это крайне жестоко и противоречиво. К счастью, это такое большое удовольствие!

Именно во время занятий на таких театральных курсах, как курсы Стриндберга (Strindberg), ко мне пришла любовь к чтению: это было откровение. Когда я училась на этих курсах, я также открыла для себя Чехова. В школе нас постоянно заставляли читать классику, «основных» авторов. Моя реакция всегда была категорическим отказом. И позже мы начинаем искать объяснения, понимание, мы пытаемся повстречаться в литературе, в музыке: это как найти своего брата, сестру или отца, чтобы получить какой-то образ. Я довольно поздно всерьез увлеклась литературой. До этого я мало читала. Оттуда же ко мне пришла любовь к словам.

Нам была дана возможность ставить пьесы, и мы могли выбирать фильмы. В результате, с тремя коллегами, может быть больше, мы выбрали «Josépha». Мы поставили эту театральную пьесу, следуя книге. Иначе говоря, мы взяли практически все диалоги и пытались сделать монтаж. Именно этот проект мы с друзьями показали руководству. И оно приняло этот проект. Я играла роль Миу-Миу (Miou-Miou), это очень красивая роль.

В восемнадцать лет я оплачивала свои курсы, работая манекенщицей. Относительно моего будущего моё мнение раздвоилось: я не знала – может быть, конный спорт, а может быть, театр и кино. Это мне абсолютно не говорило о том, чтобы однажды я стала театральным преподавателем! Хотела ли я быть актрисой? Да, возможно. По правде говоря, я действительно не знаю. Эти курсы принесли мне другое, и пустить меня в актрисы в том возрасте было бы ошибкой. Существует много актеров, которые имеют свои собственные переживания. Играть роль доставляло мне удовольствие и настоящее неудовольствие. Странно... У меня не было настойчивости. Это было всего лишь проходящим увлечением. Есть вещи, которые не объясняются. Пройти через песню – это тоже путь, чтобы попытаться однажды стать актрисой.

Я покинула курсы драматического искусства после того, как была выбрана Бутонна (Boutonnat) и Дааном (Dahan) для исполнения «Maman a tort». Может быть, я не полностью отказалась от идеи кино, но в тот момент я поняла, что я посвятила бы себя песне, так как это является частью моего характера: когда я что-то делаю, я делаю это основательно, и я пытаюсь это делать хорошо.

Семья и близкие люди

Моя семья относительно многочисленная. Братья, сестры... У меня долгое время было впечатление, что я посторонняя внутри своей собственной семьи. Мне ужасно не хватало любви, внимания. Тем не менее, эти проблемы ушли в прошлое. Я отказываюсь говорить в интервью о своих отношениях с семьей, чтобы защитить её и себя. Это моя единственная личная территория! Эта профессия может быть жестокой, некоторая доза жестокости необходима для того, чтобы защитить своих близких родственников. Таким образом, это часть моей биографии, которую я действительно хочу скрыть. Я стерла свои воспоминания, так как меня это не интересует. Понятие «сегодня» я предпочитаю понятию «вчера», и я отказываюсь думать о будущем. Что ещё сказать... Мой отец родился в Марселе, а моя мать рыжеволосая. Она живет в районе Плейбена (Pleyben)². Ребенком я проводила свои каникулы в Бретани (Bretagne), на ферме. Я обожаю вычурные пейзажи Бретани! То, что во мне есть от бретонца, так это упорство и чувство внутренней силы земли. К тому же, я обожаю блины! Мы семья долгих молчаний, но которые, тем не менее, не являются долгими паузами. Естественно, я поддерживаю отношения, но мы мало разговариваем друг с другом. У нас нет никаких разговоров по поводу моих песен, моих слов. Я предполагаю, что моя мать и мои близкие родственники гордятся моим успехом. Моя застенчивость в отношениях со СМИ не существует в моей личной жизни с родственниками, так как, разумеется, при общении мы снимаем маски. Я мало рассказываю о себе, потому что жизнь других людей интересует меня намного больше, чем моя.

У меня есть особое сожаление, которое заключается в том, что я больше не могу разделить данный момент с теми, кто уже ушел. Моего отца больше нет в этом мире. Он умер, когда мне было двадцать четыре года, в это время я начинала свою карьеру. Это было печальное событие, которое, вероятно, является самым значимым событием в моей жизни. Я не смогла сказать «прощай» своему отцу, и даже увидеть его прежде, чем закрыли крышку его гроба. Это непоправимая рана. Парадоксально, но именно его отсутствие дает мне невероятную силу и вдохновение для того, чтобы продолжать, и вероятно, именно поэтому я нахожусь там, где я сегодня есть. Я слишком поздно поняла, что он значит для меня. Во время всех телеинтервью я думаю о нем. Способность быть перфекционистом, даже маньяком, я переняла от него. Большая тайна моего существования состоит в том, что я не могу разделить свои эмоции с теми двумя людьми, которые так рано ушли из моей жизни... Постоянное отсутствие, от которого я страдаю каждый день.

Моя бабушка увлекалась театром и живописью. Ребенком она водила меня по кладбищам. Там, видимо, я получила вкус к патологическому. Я это обнаружила через письма, которые я ей писала. И я нашла письма, в которых она мне говорила: «В воскресенье я возьму тебя на такое-то кладбище». Я также знаю, что в Мейзьё (Meuzieu), в Веркоре (Vercors) у меня была крестная мать. Мой дедушка был скульптором. Может быть, из-за этого ко мне и пришла страсть к земле. Будучи юной, я в течение долгого времени занималась лепкой глиняной посуды. Контакт с землей является таким необыкновенным... Я это обожаю! Мне даже пришлось как-то купить сумку земли, а потом я не знала, что с ней делать! В клипах «Ainsi soit je...» и «Pourvu qu'elles soient douces» я должна была кататься в грязи, как это делают дети, и я обожала это!

Припоминаю, что в 1986 году моему брату Мишелю было шестнадцать лет, и он был не очень хорошим учеником. Я хотела попытаться устроить его звукооператором во Дворец

² Pleyben – город, расположенный в провинции Бретань, недалеко от северо-западного побережья Франции. (Примеч. переводчика.)

Конгресса (Palais des Congrès). Я была воспитана... Не воспитана, а кто-то из близких мне людей, очень маленький, слушал очень много музыки и имел фантастическую библиотеку сначала винила, а потом, уже сегодня, CD. Я слушала её по кругу. Это были Blancmange, Soft Cell, Dérêche Mode и, конечно, множество других!

Вокруг меня много людей, что не обязательно является показателем качества. Мне довольно трудно найти очень хорошую подругу. В начале своей карьеры я немного боялась, что меня плохо примут. В настоящий момент – нет. Я бы не назвала это безразличием, но сегодня я практически равнодушна к этому. Я нашла свой мир, близкий мне и совершенный. Тот, который я всегда желала. И, в конечном счете, он окружен очень малым количеством людей. По своей природе я ужасаюсь светской жизни. Я мало с кем общаюсь, за исключением узкого круга друзей, которые главным образом очень близки к моей профессии или, во всяком случае, к творческой профессии: это художники, стилисты, фотографы или сценаристы. У всех них есть творческая жилка. Люди, которые меня окружают, находятся в тени, и они очень важны для меня. Между всеми нами есть общие точки соприкосновения: на каком-то этапе наших отношений мы всегда заканчиваем тем, чтобы работать вместе. Это необходимо для взаимопонимания и диалога. И это не значит, что я не могу найти общий язык с кем-то другим. Но в данный момент моих отношений с друзьями мы объединились в работе. Это важно для меня. Когда мы хорошо себя чувствуем рядом с какими-то людьми, то очень трудно открыть дверь наружу, так как внешний мир больше не оставляет причин, чтобы мы интересовались им. Поэтому я предпочитаю закрыть двери и остаться в своем мире. Таким образом, в моем окружении присутствует очень мало людей, но я их всех люблю!

В начале моей карьеры был третий человек, который работал с Лораном и со мной. Его звали Бертран Лё Паж (Bertrand Le Page). Это был мой менеджер, а также – редактор. В основном, он был другом и кем-то очень важным для меня. Конечно, не нужно забывать студию звукозаписи, которая тогда была, и всех людей, которые имели отношение к ней. Это была коллективная работа. То есть, не только я проявляла инициативу. Я предлагала, а затем мои продюсеры давали согласие. Я чрезвычайно дорожила этой совместной работой с Лораном и Бертраном. Я очень не люблю это слово, но, в конечном счете, это было нечто намного большее. Впрочем, к счастью, это был Бертран. В течение пяти лет мы практически жили втроем! Эти годы были непростыми, но великолепными. В то время я думала, что цифра «три» была совершенной цифрой. У Бертрана был дар астролога, он был увлечен этой темой, и мы часто говорили об этом. Его подход к этой теме был очень толковый, и я это подход очень уважала, хотя он не оказывал влияния на других. Однажды мы заговорили на мою тему, и он поведал мне довольно удивительные вещи. Он предсказал мне события, которые я абсолютно не ожидала для себя, и которые впоследствии на самом деле произошли. Он также предсказал мне успех «Libertine». По словам ясновидящих того времени, есть какой-то серьезный шаг, который я ещё не сделала. Астрология интересует меня через разбирающегося в ней человека.

Я Дева под влиянием Девы. Все мои братья и сестры имеют двойной знак. Это далеко не преимущество. Повод для конфликта, двойственности? Нужно избегать раздвоения личности. Факт быть под знаком Девы дал мне несколько существенных черт характера, но я не слишком разбираюсь в этом вопросе, чтобы сказать вам, что я типичная Дева. Этот знак, должно быть, иногда тягостен для окружающих нас людей, которые дают нам уверенность и подтверждаются перепадам нашего настроения. Мы не можем попросить своих близких людей о том, чтобы они ежедневно помогали нам нести наш груз. Это нормально. Если бы я не имела возможность видеть, как кто-то очень дорогой для меня позволил себе в восьмидесятых годах погибнуть от наркотиков, я, может быть, и соблазнилась бы погрузиться в это. Если я и могу принять риски для моего духовного равновесия, то я никогда не соглашусь с физической деградацией, происходящей от наркотиков.

Я очень инстинктивна в своих отношениях. Я не делаю себе комплиментов, но знаю, что могу это делать для своего благополучия. Я очень быстро определяю людей, с которыми могу договориться, и тех, с кем это сделать невозможно. Я вспоминаю об одном парижском ужине, где помимо всего прочего гости удивлялись моей дружбе с Салманом Рушди (Salman Rushdie). Я люблю его произведения. Те, кто меня любят, знают это. На светских ужинах не должны быть журналистов. Салман Рушди – это очень веселый по жизни человек, у него отличное чувство юмора. И он полностью передает мне этот юмор. Было здорово посмеяться вместе! Так получилось, что мы встретились с ним на каком-то мероприятии, и я спонтанно подошла к нему, так как хотела лучше его узнать. Это харизматичный человек, так как он великий писатель. Я прочитала не все его романы, а только некоторые. То, через что он пошел, меня глубоко тронуло.

Создать семью... Нет: бедный, бедный ребенок! У меня нет ни желания, ни тяги к этому. Я не чувствую в себе ни силу, ни надежду, ни способность рожать детей. Я не смогла бы их любить. Но у меня есть материнская жилка для моих близких людей, для друзей, для животных. Я сделала другой выбор, у меня были другие желания. Я была не готова. Мир слишком пугал меня, чтобы я дала жизнь. Каждая мать является детоубийцей, и это пугает меня. У меня постоянно присутствует эта мысль, но сегодня она, несомненно, менее мучительная, менее актуальная. Однако, я люблю детей, но, возможно, я не смогла бы любить своих собственных. Меня всегда волновал вопрос продолжения рода. Эта идея продолжения себя через живую сущность меня пугает. Я очень боюсь обнаружить в этом ребенке свои собственные образы, которые я не люблю. Если и есть что-то, что я о себе знаю, так это то, что мне не хватает смелости для многих вещей. И я считаю, что нужно быть очень смелым и ответственным, чтобы иметь хотя бы одного ребенка. Несмотря на это, в середине девяностых годов у меня было желание иметь ребенка. Ко всему прочему, мне это казалось почти необходимым для женщины! Вероятно, я часто думала об этом, очень часто. Было реальное и глубокое желание, в то время как раньше идея продолжения самой себя казалась немыслимой. В то время я принимала это как очевидную вещь: ничего не походило на то, чтобы иметь ребенка. Наличие ребенка требует более «запрограммированной» жизни, но главным является, прежде всего, самовосприятие, и в то время оно у меня было. В какой-то короткий момент времени ко мне пришла идея усыновления ребенка. Возможно, я очень хотела усыновить ребенка, в котором была бы индейская кровь. Говоря это, я, в частности, думаю о Краснокожих Канады, о диком малыше. Я считаю, что есть расы редкой красоты. Но материнство...

Дебют в песне

Почти как все, я начала петь... под душем, будучи очень юной. Я разрывалась между театральными курсами, работой манекенщицей и верховой ездой. Я фотографировалась для модных изданий, мечтая сниматься в кино. Я знала Лорана Бутонна (Laurent Boutonnat), с которым я немного занималась на пианино. Мне его представил наш общий друг во время одного ужина. Это была магическая встреча. Так как мы оба имели несносный характер, мы хорошо понимали друг друга. Впоследствии, в 1983 году, он вспомнил обо мне, чтобы официально пригласить меня на кастинг манекенщиц, который он организовал со своим другом Жеромом Дааном (Jérôme Dahan).

Когда я приехала на прослушивание, я чуть не упала в обморок уже в лифте! Нас было пятьдесят кандидатов на эту маленькую роль. В тот день я так волновалась, что выпила коньяк. У меня кружилась голова, ноги были ватными. В лифте самые пьянящие ароматы плохо сочетались с запахами дешевых туалетных вод. Запахи вызывали у меня тошноту, но главным образом – взгляд моих конкуренток, которые пытались оценить мои шансы, откровенно привел меня в растерянность. Каждую минуту я теряла свою уверенность. Однако перед видеомэгнитофоном, который записывал моё выступление, я чувствовала себя комфортно. Перед камерой у меня блеснули глаза. Когда прозвучало финальное «Снято!», у меня было впечатление, что всё только началось. Я бы ещё немного продолжила съемки, а может и на несколько часов.

Они выбрали пять кандидатов из пятидесяти. Я была отобрана на следующей неделе. В то время как все пели, разумеется, лучше, чем я, не знаю почему, но Лоран Бутонна и Жером Даан в результате выбрали меня. Когда Лоран, сидящий на стуле, увидел меня, то у него сложилось впечатление, что я немного психованная, странно... Я была очень удивлена, но ещё больше я удивилась тогда, когда они мне сказали, что всё это было для того, чтобы записать песню. «Maman a tort» уже существовала, и им не хватало только голоса. Они искали молодую актрису, которая могла бы и петь. Видя удивление на моём лице, они объяснили, что они искали исполнительницу больше по внешним данным, чем по голосу, и что всегда будет время научиться петь. Без сомнений, чтобы исполнить эту песню, я должна была соответствовать персонажу, которого представлял себе Лоран. И моё телосложение того времени полностью соответствовало песне. После прочтения её текста я, ни секунды не колеблясь, сказала «да». Я была молода, но нужно сказать, что я согласилась исполнить эту песню именно потому, что она мне понравилась. Я не стала бы петь что угодно: «Maman a tort» соответствовала тому, что я хотела бы спеть.

Вот так я повстречалась с Лораном Бутонна и Жеромом Дааном, они предложили мне эту песню, и затем события приобрели эффект снежного кома! Все переживания появились потом. Была долгая поездка на мопеде по Парижу в поисках звукозаписывающей компании. Мы немало поискали, чтобы найти. Нам отказывали. Были люди, которые говорили: «Гениально!», и мы ждали, ждали, ждали... Затем мы подписали контракт с RCA. Так мы выпустили мой первый диск на 45 оборотов. Я записала это диск в полной бессознательности. Это прошло быстро. Тем лучше! На этот раз песня выбрала меня. Ту, которая и не думала о том, чтобы петь. У меня была большая удача, которую я не осознавала в начале.

Песня стартовала как ракета, что всегда немного страшит. Тем не менее, я сохраняла дистанцию по отношению к этой профессии. Я хотела оставаться здравомыслящей и не чувствовать, как пухнет моя голова, так как моя первая песня хорошо пошла. Я полагала, что в течение четырех месяцев песня умрет и её забудут... Это оказалось не так! Таким образом, я начала заниматься музыкой в возрасте двадцати двух лет. А что касается страсти, то она всегда в этом присутствует. Это последовательность открытий. Это было как гром среди ясного неба. Мы не смогли бы развиваться в этой профессии без удара грома.

С Лораном Бутонна и Жеромом Дааном мы хотели попытаться создать свой стиль. Стиль Милен Фармер. Трагическая судьба Френсис Фармер тронула меня до такой степени, что я захотела посмертно отдать ей дань уважения тем, чтобы сменить свою фамилию. Псевдоним Фармер – дань уважения этой женщине. Моё настоящее рождение было в тот день, когда я записала «Maman a tort». Это день, когда я встретила Лорана, который собирался стать моим композитором и режиссёром моих клипов. Это действительно день, когда я смогла родиться. Я начала немного порочной молодой девушкой, и моя мечта состояла в том, чтобы не сегодня-завтра стать загадочной женщиной.

Глава 2. Карьера

1984 – 1986

Maman a tort

Мы посвятили диск «Луи Второму из Боварии», потому что жизнь этого человека меня очаровывает. Он тоже был неуравновешен. На стороне «Б» не было новой песни, так как производство диска стоит дорого, а выпустить вторую песню я не могла по финансовым соображениям. Поэтому мы сделали инструментальную версию «Maman a tort». Посмотрим, что будет дальше... В студии я также работала над англоязычной версией песни, которую я затем записала, чтобы её можно было экспортировать в такие страны, как Италия, Германия или Швеция, или, может быть, в Англию или США. Диск, который вышел во Франции, в Канаде должен был выйти на двух языках. Но было довольно-таки трудно войти на рынок других стран, и эта англоязычная версия песни никогда не поступала в продажу. В итоге, не было никакой потребности в данной версии. Она действительно была создана для того, чтобы развлечься и без больших надежд посмотреть на то, что это может дать на английском языке.

Я вспоминаю, что меня упрекали на «Maman a tort» в том, что на ТВ-сцене я была в зеленом, так как это несчастливый цвет. Но это скорее несло мне счастье: мы продали почти сто шестьдесят тысяч экземпляров диска на 45 оборотов. Невинно-порочная сторона этой песни понравилась публике! Нет ничего необычного в том, что французские артисты со своими первыми дисками на 45 оборотов добиваются такого уровня продаж. Это случается часто. Как «Les Bêtises» Сабины Патюрель (Sabine Paturel), Жан-Пьер Маде (Jean-Pierre Mader), Марк Лавуан (Marc Lavoine) ... У них тоже первые диски очень хорошо пошли. Это очень суровая профессия, но первый диск сделать очень легко. Почти каждый может сделать его и продать. Трудности приходят со вторым, третьим диском. Так как защищать свою песню, делать рекламу на телевидении, радио – это гораздо сложнее. В то время со мной реально было три человека. В том числе пресс-атташе Даниэль Фуше (Danyele Fouché), с которой я работала. Потом всё связалось. Искренне скажу, что я никогда не думала, что я смогу что-то сделать в области песни.

Песня. Слова этой песни имели различную интерпретацию, что я нахожу довольно необычным для данной песни. Самые юные любители считалку песни, которую использовали в какой-то мере как лозунг «Maman a tort». Другие наоборот: они замечали что-то иное, такое как «Я люблю то, что мне запрещают, недозволенные наслаждения», и любили эту песню за её упоминание о табу. Я допускаю, что кто-то мог иметь ещё какую-то интерпретацию текста.

Если что-то и можно сказать по поводу «Maman a tort», так это то, что это немного трагическая детская считалочка, которая под простодушным видом пытается рассказать о серьезных вещах. Мы можем найти довольно неоднозначный текст. Если хотите, то мы можем углубиться в этот текст: это психиатрическая больница, это косвенные отношения между матерью, ребенком и медсестрой, которая собирается принять на себя роль матери. Такая ситуация. Но нужно ли нам драматизировать, чтобы зайти так далеко? Я об этом ничего не знаю. Это способ рассказать о странной любви, которую мы можем иметь в юношеском возрасте. Например, это может происходить в 1984 году. Медсестра – это очень двусмысленный персонаж, и я прекрасно понимаю, что у ребенка, даже подростка, и почему бы не у молодой девушки, появляется необходимость в том, чтобы влюбиться. Это может случиться со многими детьми,

находящимися в больницах, которые, в конце концов, имеют матерей, заботящихся о них. Это – санитары или медсестры. И эти медсестры кормят данных детей, заправляют их постели, целуют их перед сном, из-за чего становятся для них почти матерями. Поэтому именно маленькая девочка говорит своей матери: «Я люблю медсестру». Белизна её блузки может содержать все диагнозы болезней. Хотя эта песня не является автобиографической, так как истории лесбиянок – это ежедневные истории. Большинство людей стараются все интерпретировать сложнее, чем есть на самом деле, и тема песни меня немного волнует. Эта тема не является абсолютно далекой от меня, хотя у меня действительно не было проблем с моими родителями. Поэтому существует «аналитическая» версия, в которой речь идет о передаче любви от девочки к её медсестре, которую она в глубине души принимает за мать. И существует «интеллектуальная» версия, которая крепко базируется на том, что слова должны толковаться во втором, третьем, и даже в четвертом смысле... Реальность, возможно, является намного более простой. Авторы песни исходили из идеи маленькой девочки, которая находится в больнице, и которая дружит со своей медсестрой. И, исходя из этой темы, авторы выровняли странные и необычные фразы не для их, так называемого, скрытого смысла, а для ритма и оригинальности слов. Актерская работа состоит в том, чтобы увлечь за собой этой первой песней. И именно тем, что есть одна часть меня, которая повстречалась в песне, и есть другая часть, которая способствовала этой встрече.

«Maman a tort» имела несколько проблем. Я не знаю, были ли проблемы на уровне понимания, но сам текст шокировал некоторых людей. Я знаю, что именно тема могла вызвать подобную реакцию, но провоцирование ради провоцирования не имеет никакого интереса. Я решила исполнить песню со знанием дела. Впрочем, я нахожу это довольно глупым. Жак Дютрон (Jacques Dutronc) хорошо сказал: «Дерьмо во Франции», и все восхищались. Я довольствовалась тем, чтобы сказать, что я любила запретные удовольствия. Мы никогда не боимся шокировать средства массовой информации, когда мы собираемся петь такую песню, как «Maman a tort». Это, прежде всего, удовольствие, и уже потом – последующая реакция. Если люди предпочитают приписать этой песне извращенный, в сущности, смысл, то его они и видят! Я люблю провокацию, может быть это черта моего характера. Поэтому текст вначале был неоднозначным, но эта скандальная сторона существует, даже если она оказывает дурное влияние. Я люблю то, что мне запрещают! И я всегда люблю запретные удовольствия... То, что я также хотела выразить, это как раз недосказанное: «Не нужно рассказывать об этом, нужно избежать той или иной темы, не нужно говорить о...» Это всегда запрещено!

Клип. Всё, что я могу сказать, так это то, что у нас было очень, очень мало денег.

Bip be bou rock'n roll

Это должен был быть мой следующий диск на 45 оборотов после «Maman a tort». У нас имелась заготовка, которая была не полностью закончена, но я её часто слушала. Она началась так: «Bip be bou rock'n roll, l'amour au téléphone». Песня должна была выйти в январе 1985 года. Потом, если бы все пошло хорошо, мы должны были перейти к диску на 33 оборота. Но всего этого так и не произошло...

On est tous des imbéciles

Когда мы хотим выпустить вторую песню, то главной мыслью является следующая: «Мы ждем вас, чтобы вы вернулись». Поэтому мы стараемся сделать такую же сильную песню, как и первая, и которая имеет очень веские преимущества. Это не так-то и просто, так как публика сурова и требовательна. Впрочем, как и данная профессия. Это похоже на естественный отбор:

есть те, кто остается, есть те, кто уходит, некоторые возвращаются, и так далее... Речь не идет о том, чтобы каждый раз делать плагиат из первых песен. Но важно отличаться от других, чтобы создать стиль. Мы начали с «Maman a tort» и продолжили с «On est tous des Imbéciles»: это была ниша, которую я хотела попытаться взять, чтобы закрепиться в ней.

«On est tous des imbéciles» является произведением Жерома Даана, а сторона «Б» «L'annonciation» – это Лоран Бутонна. На диске 45 оборотов была очень личная дарственная надпись, посвященная моему папе: «Папе / Святой Терезе из Авила». Я давно была очарована Святой Терезой, видение которой сводится к популярному изображению. Я хотела знать больше, и я склонялась к её образу жизни. Она видела Бога и неоднократно беседовала с Ним. Конец истории был подвержен цензуре.

Публика не спешила к этому диску на 45 оборотов... Но это нормально, такие вещи происходят медленно. Это хорошо, если они в хорошем смысле происходят постепенно. Таким образом, «On est tous des imbéciles» не получила ожидаемого успеха, но это не важно, так как нужен опыт и взлетов, и падений. Мы учимся, совершенствуемся через диски и образы. Я очень люблю эту песню, но она ознаменывает конец эпохи, конец периода. После провала диска на 45 оборотов последовал разрыв с моей студией звукозаписи RCA. Я абсолютно не хочу критиковать её. Нашлась другая студия, Polydor, которая пригласила нас. Это была студия, которая только недавно появилась, и у которой был новый директор. RCA подтвердила некоторые моменты, в том числе и плохие: их способность или, как минимум, их желание мне помочь. Это жизненная ситуация, и тем лучше, что всё так произошло, так как у Polydor была новая кровь, у неё был молодой директор, который тоже хотел кое-что доказать, и это важно. Впоследствии у них всё пошло хорошо.

Песня. Эта песня притягивает внимание с квадратичной зависимостью. Вот что было извлечено из песни: «То, что нас спасет, так это – стиль». Действительно, мы все дураки, и нас спасет только стиль! Это то, о чем я всегда думала. Петь – это одновременно и увлекательная профессия, и профессия насмешки. Именно это важно. Идиотизм везде: в фундаментализме, во вкусе власти, в желании славы любой ценой. Или в отсутствии любопытства, незнании, которое ведет к жестокости. Но «On est tous des imbéciles» была написана для шоу-бизнеса или, может быть, для профессии вообще. Такой небольшой поклон моей профессии. Я старалась сказать то, о чем я думала. Когда у меня есть идея, то её трудно у меня отнять!

Всё это на самом деле означает, что жизнь главным образом не должна восприниматься всерьез, что нужно смеяться, что насмешка полезна... Мы ошибаемся, принимая себя всерьез. Нужно серьезно заниматься делом, но не увлекаться серьезностью: это идея автора текста. Эта тема мне понравилась, так как я тоже видела себя в этой профессии с этой точки зрения. Она стала учебным классом, чтобы сохранить образ. Ставим «Мы» («Он»), чтобы я не чувствовала себя совсем одинокой. Разумеется, это провокация! Я не думаю, что агрессивная. Мне уже говорили об агрессивности, именно поэтому я стараюсь уточнять. Что касается провокации, то мы нуждаемся в ней, чтобы немного выйти из массы.

Что касается «Maman a tort» и «On est tous des imbéciles», то мне предложили тему, которую я приняла. Моя надежда состояла в том, чтобы создать стиль, стиль Милен Фармер. Но я знала, что это будет долгая работа. С этой новой песней я намеревалась идти в данном направлении. Но я также понимала, что мы не могли продать миллион дисков с таким текстом...

Клип. Логично, что мы должны были снять клип для «On est tous des imbéciles»: сценарий был написан. Всё было закончено, не хватало только отмашки. Но большой проблемой стало получение денег на съемки, так как то, что происходило в том году в MIDEM³, не позво-

³ MIDEM – Международный рынок дисков и музыкальных изданий. (Примеч. переводчика.)

ляло студиям звукозаписи вкладывать крупные суммы в производство клипов. Учитывая развитие песни, которая хорошо продвигалась на уровне медиа технологий, но никоим образом не на уровне продаж, было ещё труднее решиться на съемки клипа.

L'annonciation (Благовещение)

Это очень красивая песня. Припоминаю, что я всё время плакала, когда пела её. Эта песня ещё более провокационная. Не нужно было касаться материнства, тем более – религии. Это – выбор.

Plus grandir

Это первый текст, который я написала, и он очень важен для меня. Впоследствии я «росла» по форме, а не по сущности. Этот текст появился случайно, он родился после музыки. У меня не было музыкального образования, но мой музыкальный слух позволял мне вмешиваться в процесс создания диска в студии. Писать в первый раз – это было наказанием. Я даже не знала, пригодится ли мне этот опыт в дальнейшем. Было очень трудно: текст должен был быть лаконичным, точным. И я признаюсь, что у меня были определенные затруднения.

Для меня с Лораном диски на 45 оборотов и клип были своеобразным спортивным состязанием, так как если «Plus grandir» подкупал больше музыкальной стороной, чем клипом, то это давало нам крылья для будущих проектов.

Песня. На этот раз тема касалась всех, возможно, в противовес «Maman a tort» и «On est tous des imbéciles» – двух предыдущих синглов. Марк Тоэска (Marc Toesca) из Топ-50 впоследствии рассказывал, что «в то время Милен Фармер была смутной и резкой». Смутной – да. Резкой – иногда. Жестокой – тоже. Этот текст был исключительно автобиографическим. Это был крик, мятеж. Тема смерти всегда омрачала моё сознание, и это чувствовалось в этой песне. Я больше не хотела взрослеть, так как в конце – смерть, и это пугало меня. Я очень боюсь течения времени, и в данном случае старость меня угнетает – это то, что я хотела сказать в песне. Она меня пугает, но это чувство общее для многих людей. Я сама себе не могу это объяснить. Так же меня пугали отношения с мужчинами. Половой акт – это очень жестокая вещь. К тому же, это самоцель. После него мы уже женщины, и я ненавидела это слово. Нужно было изобрести ещё одно слово для меня! Я никогда не покидала свою юность и не собиралась так рано отказываться от неё. Когда мы детьми продвигаемся в космосе, мы очень боимся жизни. Я как раз вспоминаю сцену из фильма Шлөндорфа (Schlöndorff) «Тамбур»: отказ от рождения, страх перед неизвестностью с внешней стороны. Это немного отображается песней «Plus grandi».

Клип. Была возможность сделать ставку на видеоклип, так как тогда мы работали с новой студией звукозаписи, и поэтому были другие горизонты, чтобы иметь первый, действительно персонализированный, клип. Я чрезвычайно дорожу клипом, который олицетворяет эту песню. Именно Лоран Бутонна решил снять его в широком формате. Это был малоиспользуемый формат, тем более в клипе. Я надеялась, что в конечном итоге он будет показан в кинотеатрах, например, перед премьерой фильма. Телевизионный экран слишком мал.

Я интересовалась историей от А до Я. Я внесла вклад в сценарий, и я горжусь тем, что придумала раскадровку. Это немного сложное слово, но речь идет о постановке кадра, показанной с помощью небольших рисунков с расположением камер, и кадр за кадром это всё вошло в сцену. Я также сделала движущуюся куклу, которую мы видим, и которая является важнейшей деталью клипа. Ещё была Дева из латекса, оборудованная манипуляторами.

«Plus grandir» был снят чуть меньше чем за неделю. В первый день были натурные съемки на кладбище. В остальные четыре дня съемки проходили в декорациях комнаты замка, в которой везде была паутина. Это не естественное оформление. Мы выбрали замок в более-менее безлюдном месте: этот клип мог бы быть иллюстрацией какой-то фантастической сказки. Красивый мир, немного темный, как в мечте. Это был замок в стиле барокко, который мог находиться как в 1985 году, так и в 1970, а может и раньше.

Относительно темы детства в клипе, это период, который каждый видит по-разному, но который необычайно труден. Это травма, рана. Именно изнасилование прекращает юность и наступает возраст, называемый взрослым. Это тяжело. Когда мы дети, то нам прощается даже «жестокость». Начиная с момента, когда ваши действия больше не являются невинными, а становятся обдуманными, все в нашем сознании облачается в другую оболочку. И детская коляска в клипе больше делает намек на катафалк или на могилу, чем на действительно детскую коляску. Я по натуре беспокойная. Когда мы немного ясны... Когда мы касаемся табу, религии, детей, матери – это беспокоит. Ставить людей перед лицом их страхов – это выбор. Именно с этим клипом мы создали наш мир, именно он дал старт. Это было начало большой серии.

Libertine

Именно на «Libertine» я поняла разницу между достигнутым успехом и успехом в СМИ. Этот успех мне очень нравился. Это изменяло и в то же время не меняло мою жизнь в том смысле, что я продолжала свой путь. Начиная с этого момента, я боялась не суметь взять на себя ответственность. В данной профессии очень важно быть уверенным под воздействием кого-либо. В то время мой менеджер Бертран Лё Паж, начиная с «Maman a tort», во многом поспособствовал моей физической трансформации и тому, что я верила в себя. Далее, разумеется, было много работы. Когда меня спросили, на что я потратила бы роялти от «Libertine», то я ответила, что купила бы замок в Боварии, чтобы быть рядом с моим другом Луи, и что я там разведу тысячи обезьян. Луи II (Louis II) с Жилем де Пе (Gilles de Rais) являются моими любимыми персонажами.

Это был первый раз, когда я вошла в Топ-50, он был своеобразным трамплином. Это позволяло мне пойти дальше, так как был медиауспех по продажам и по уровню клипа. Текст песни смущал некоторых составителей телепрограммы, и на телеэкране мой скромный костюм с изрезанными кружевами, а так же моя манера танцевать, заставляли морщиться не одного человека. Но Топ-50 был тогда для того, чтобы показать, что песня нравится всем. В 1986 году во время летней поездки «Европа 1» я спела «Libertine» перед пятидесятью тысячами человек в Марселе. Меня это не беспокоило! Я не могла сказать, что тогда происходило в моей голове, особенно когда я пела «Je suis libertine, je suis une catin». Это было опьяняющим, это единственное, что я могла бы сказать.

Перевод «Libertine» на английский язык был в стадии реализации. Поднимался даже вопрос о том, чтобы поехать в студию в Великобритании и плодотворно поработать с энергичной англо-саксонской командой. Мы не смогли сделать литературный перевод, но кто-то квалифицированно перевел «Libertine», сохранив дух песни.

Для нас «Libertine» не была основой для сингла из альбома «Cendres de lune», впоследствии она была добавлена в студию. Был образ, который в сознании людей становился точным. Именно образ «сексуальности и провокации». Тем не менее, этому образу суждено было измениться, так как следующий сингл должен был радикально отличаться от него. Начиная с этого момента, я не собиралась снова создавать «Libertine». Это было одновременно и легко, и самоубийственно.

Песня. Эта песня пришла инстинктивно во время сеанса записи альбома. Я с коллективом была в студии, когда из колонок начала звучать «Libertine». В то время не было никакого текста, а только несколько нот, которые я уже держала в голове. Музыка предварительно была наиграна Лораном Бутонна на пианино. Я принялась петь наудачу набор слов, который подходил по месту данной мелодии, и внезапно я выдала: «Я – путана, я – путана». Я, должно быть, была очень счастлива в тот день! Композитор сказал: «Черт побери, конечно – это!» и написал «Libertine». Тем не менее, Лоран предпочел «шлюха». Это была более поздняя эпоха, и он сумел убедить меня в этом. Было забавно использовать в наше время слова из другой эпохи. Отсюда и пошло: «Я – шлюха», что рифмовалось с «Libertine». Может быть, это было рождение мятежа! Именно эта эпоха меня очаровывает, привлекает. Да, я могла бы быть распутницей. Распутница – это смесь плутовки и путаны. Образ наивности – нет. Скорее – проницательности. Эти люди в то время считались первыми революционерами в том смысле, что они ломали установленный порядок, будь он религиозный или моральный. Они смеялись над девами. Это то, что мне нравилось делать, но это было немного трудно. Многочисленные чистые души были шокированы моими слишком дерзкими словами или моими нарядами с изрезанными кружевами. В восьмидесятых годах эротическая провокация, безусловно, немного развивалась, но всё ещё была частью запрета, это очевидно. Но я не боялась провокации, я даже совершила рецидив в своем клипе. Чего бы ни было из провоцирования, а это то же, что «Maman a tort» или «On est tous des imbéciles» – это был выбор. В основном это были вещи, о которых до меня, возможно, ещё никто не говорил, и это забавляло меня. Если текст шокировал, то это меня не беспокоило: лучше шокировать, чем оставлять равнодушным. У меня есть вкус к провокации, но в ней целью является желание разобраться в вещах. Над критикой я безумно смеялась. Мы все, разумеется, проститутки чего-то или кого-то. В таком случае, я была проституткой шоу-бизнеса и многих других вещей.

Говорить об эволюции текстов после «Plus grandir» было бы, вероятно, преждевременным, так как у меня их было не так уж и много. Наверно эволюция была на другом уровне. По моему мнению, когда моя бывшая настоятельница впервые услышала эту песню, особенно «добру я учусь голышом», она должна была обменять свою сутану на ажурные чулки и высокие каблуки. Где добро, где зло! Чтобы заниматься данной профессией, уже не нужно хорошо себя чувствовать в своей тарелке. «Жизнь печальна как стакан гранатового сиропа». Печальная, она такая. Является ли стакан гранатового сиропа сверкающим?

Отражение образа «распутницы» не является вероисповеданием! Не нужно воспринимать себя слишком серьезно! Эта тема являлась частью идеала, но не нужно близко принимать то, о чем поется в песне для зарабатывания денег на карманные расходы. Есть вещи, о которых мы говорим, что мы их делаем в какой-то момент жизни по определенной причине, но мы были бы не в состоянии повторить их в другой раз. В любом случае я всегда получаю большое удовольствие от исполнения «Libertine».

Клип. Я действительно очень счастлива от клипа «Libertine». Сделать его на эту песню было почти необходимостью. Это была наша общая идея с Лораном Бутонна, который реализовал её. С самого начала, когда я думаю о песне, я думаю об образе.

Я нахожу этот клип очень романтичным. Мы не «нажимали» на слова, мы рассказали историю с драками между девушками, с лошадьми. Распутство упомянуло XVII век, та эпоха основывалась на этом. Было взаимное влияние между текстом и героической эпохой «Маркизы ангелов». Я всегда была Милен Фармер, Милен Фармер, погруженной в огромный салон распутства XVIII века. Мы восстановили обстановку той эпохи, находящейся в упадке. Париками и избыточным гримом мы придали вид распутства персонажам нашей истории, которая вполне может называться небольшим фильмом: десять минут – это почти полнометражный фильм. Это история с героиней, со мной в данном случае, с дуэлянтами, с мстящей соперницей,

с маркизом, с развратниками и с ордой продажных крестьян. Так как я очень люблю фильм Ридли Скотта (Ridley Scott) «Дуэлянты» («Duellistes»), я хотела вставить дуэль. Этот фильм я полюбила за его стиль и сюжет. Вся эта работа делалась вдвоём, я не претендую на роль её идеолога. Всё, что принималось в расчет, так это – результат. Лоран вдоволь развлекся тем, что написал сценарий, смешивающий романтизм и эротизм. Обстановкой со светом свечей он хотел сделать немного как в «Барри Линдоне» («Barry Lindon») Кубрика (Kubrick). Со своей стороны я должна была присутствовать во всем.

XVIII век был выбран просто потому, что Распутница родилась в том времени. Но также и потому, что это был демарш, это любовь к костюму, любовь к истории, которую я заново открыла, и которая не так уж и интересовала меня в школе. Было интересно трактовать этот век в период перед Революцией: распутные салоны со свечами, с немного рискованными сценами. Это век распутства, то есть приятная смесь упадка и сумасшествия. Какая-то наивность, поиск счастья через удовольствия. Мне кажется, что в ту эпоху люди были счастливее. Не думая, что в те времена я могла бы жить счастливее, я обожаю в них выделяться. Из-за костюмов и магического характера людей, которых больше нет в этом мире. Я люблю костюмы, но реально не люблю кружева. Я предпочитаю переодеваться в мужчину, по крайней мере во времена того периода. Меня больше привлекает XIX век – как литературой, так и эпохой. И главным образом за то, что сегодня я открыла писателей, которых не хотела читать в школе. Мне было довольно трудно представить себя как личность 1986 года. Я бы очень хотела жить в другой эпохе, в эпоху Сада, например. Только представить костюм и попытаться постичь другую эпоху. Есть ли сейчас ностальгия по эпохам, которые я не узнала? Нет, никоим образом.

Костюмы Карин Сарфати (Carine Sarfati) – это очень суровое отражение того, что носилось в то время. Я очень комфортно чувствую себя в настоящей одежде XVIII века, но, конечно, я не могу также одеваться в повседневной жизни. Я не вмешивалась в вопросы декораций и костюмов – каждый должен заниматься своим делом. Взамен я выбирала актеров на главные роли. Девушка, которая играет роль соперницы, Софи Телье (Sophie Tellier), была профессиональной танцовщицей, мечтающей сыграть в комедии. Молодой человек тоже занимается творческой профессией. Что касается второстепенных ролей, то это были люди, увлеченные театром. Вот уже долгое время я не сажусь верхом на лошадь. Было опасно быстро восстанавливать навыки верховой езды для их применения в клипе: поэтому в седло лошади, бегущей галопом, прыгнула каскадер. Эта же женщина-каскадер дублировала меня в некоторых сценах драки. Если бы со мной произошел несчастный случай, то всё пошло бы насмарку.

Может быть, некоторые люди возмутятся, так как они видят меня в клипе голой. Но я в этом не вижу ничего плохого, так как это было сделано не вульгарно. Я сдержана, но это не противоречит провокации. У меня бывает время, когда я хочу показать себя, как и все. Это не является постоянной необходимостью обнажаться, это всегда второстепенно, независимо от того, хорошо это или неуместно, вульгарно или все же нормально, как выпить чашку чая. Начиная с какого-то момента, существует причина, по которой режиссёр и я определили это. В данном случае это было в истории с распутниками в салоне распутства, в романтической истории с соперницей, любовником и любовницей, поэтому здесь не могло обойтись без пары ягодиц или момента обнажения... Это был момент, которому мы хотели отдать предпочтение. Я считаю, что когда это обосновано, то у меня нет ни стеснения, которое нужно иметь, ни отказа. И главным образом потому, что я в абсолютной безопасности с Лораном Бутонна. Песня – это как роль в фильме. Мы её играем только единственный раз. Быть певцом – это так же означает быть актером. Быть способным сыграть проститутку, а на следующий день быть убедительным в облике монахини. Таким образом, чтобы сняться в видеоклипе «Libertine», я согласилась раздеться, что породило многочисленные предложения: мне предлагали позировать обнаженной в журналах за очень приличные суммы. Но я отказалась, так как не нуждалась в деньгах. Кроме того, я не хотела, чтобы моё тело входило в семьи. Я никогда не пойду на то,

чтобы оказаться голой на страницах журналов или ещё где-то. Это решено. Я не могу ничего другого сказать на эту тему, разве что только в случае, если это будет происходить не перед камерой во время интервью и без раскрытия тайн. Иначе это будет таким же непристойным, как обнажиться на экране. Клип «Libertine» был запрещен к показу в Германии. Какое лицемерие! Я же видела порнофильмы по немецкому телевидению.

Клип заканчивается в крови, то есть герои погибли. Это – сама суть романтизма, это часть имеющихся посылов. Я признаю, что убить Распутницу – это была идея режиссера. Это всегда доводится до крайности, герой должен умереть, так как это обретает более значительный размах. Возможно, это трагическая сторона. Поэтому я считаю, что конец красивый, во всяком случае, это печальная история. Но так было в киноверсии: в телеверсии клип был укорочен, мы не видели дуэли в самом начале, клип начинался с галопа лошади и заканчивался выходом из салона перед гибелью Распутницы. С этой стороны довольно непринужденно звучит «я распутница, но они берут мою руку». Красивое неизбежно связано с печальным. Это наслаждение приводит к трагедии.

Было пять дней съемок и почти неделя подготовки. Дней пять-шесть, но используемых действительно в полном объеме, то есть с пяти часов утра до одиннадцати часов вечера! На площадке было почти пятьдесят человек, это впечатляло. Клип снимался исключительно в великолепном замке в Нормандии: это замок Феррьер (Ferrières), расположенный перед замком Гёрмант (Guermantes), чтобы сориентироваться. Главный зал был полностью реконструирован, так как он изначально был в стиле барокко, и поэтому было необходимо создать стиль XVIII века. Это сделал декоратор Эммануэль Сорен (Emmanuel Sorin), который специализируется на декорациях к рекламным роликам и к полнометражным фильмам. Он смог очень хорошо восстановить атмосферу XVIII века.

Я не думаю, что музыка в клипе будет менее преобладающей, чем изображение. Наоборот, я нахожу их в совершенной гармонии. Когда я говорю о музыке, я думаю о музыке «Libertine» и о дополнительной музыке. В этом заключается настоящее новаторство, это то, что дает этому клипу статус короткометражки: есть моменты без музыки и моменты с голосом за кадром. Всегда есть много возможностей! Я уверена, что клип действительно подчеркнул песню. Учитывая грандиозность, он должен был оказать значительное воздействие на общественность через свою развратную и похотливую сторону. Нам выделили намного больше денег, чем было нужно. Сильная сторона клипа в том, чего он стоит. Он стоил пятьсот тысяч франков, но он оказывал воздействие выше своей стоимости. Это смешно по сравнению с тем, что он может дать в качестве результата: по отснятым кадрам результат мог обойтись намного дороже. В этом талант режиссера и коллектива, который его окружал. Если люди считают его очень дорогим, то это потому, что он удачно снят. Он стоил половины того, что стоит обычный французский клип: минимум денег, максимум таланта! Это правда, что инвестирование в клип было немного убыточным для продюсеров, но у меня было всё, чтобы преуспеть в нем.

Клип был номинирован на «Victoires de la Musique». Я не обижалась, что был номинирован только клип, а не я. Это было очень хорошее событие, прежде всего, для режиссера Лорана Бутонна. Это признание работы, которая получилась очень красивой. И меня, косвенно или каким-то другим образом, упоминали в разрезе этого клипа, поэтому было очень приятно. Был канал TV6, который чрезвычайно помог в его продвижении, и с самого дня появления этого клипа непосредственно были продажи. Можно сказать, что успех песни на 70% обусловлен наличием клипа. Это спровоцировало определенный интерес. Это дало мне желание снять много других клипов. Поэтому можно сказать, что клип во многом помог, и прежде всего мне.

Альбом «Cendres de lune»

Если бы я не была Милен Фармер, то альбом именно такого жанра я искала бы в магазинах дисков или во FNAC. Часто ищутся чьи-то первые произведения, и этот альбом я действительно очень люблю. Это что-то очень важное. Его можно охарактеризовать больше как альбом со своей атмосферой, чем как средство продвижения дисков на 45 оборотов. Мы с коллегами вложили в «Cendres de lune» все наши страсти, и это, конечно, делает альбом как полным достоинств, так и недостатков.

У этого первого альбома есть мир, который я очень люблю. Несколько тем, которые в нем присутствуют: дьявол, Бог и кино. Я там рассматриваю не сексуальность, а чувствительность. Это темы, которые заставляют нас смеяться, и которые Лоран Бутонна описал в песнях. Они являются продолжением прошлых песен, они отражают то, что я люблю: юмор, провокацию и атмосферу между невинностью и порочностью. Я очень интересовалась написанием музыки альбома. Я активно участвовала в этом процессе, хотя моя подпись редко появляется на альбоме. Лоран Бутонна начинал с музыки, а после этого мы работали над текстом. И что касается именно текстов, то в какой-то мере я была их соавтором, что было вызвано вдохновением. Мы много об этом говорили, я выдавала идеи или целые тексты, как например, «Au bout de la nuit», «Plus grandir» и «Tristana», которые написала я. Лоран Бутонна написал все остальные. Когда Лоран писал песню, это было немного похоже на то, как если бы её писала я. Возможно, просто были бы другие формулировки, но наши внутренние миры очень похожи. Не было каких-то отступлений. И потом, начиная с момента, когда мы сочиняем не сами, и когда мы верим в песню, это значит, что мы полностью готовы приложить свою оболочку во плоти, если можно так сказать. Прежде всего, это была совместная работа двух людей, которые хорошо знают друг друга, у которых одинаковые вкусы. Это было важно в том, чтобы отличаться от других, это было создание стиля, который мы начали с «Maman a tort» и продолжили с «On est tous des imbéciles». Именно эту нишу я хотела занять и укрепиться в ней с этим альбомом. Я не знаю, есть ли путеводная нить в «Cendres de lune». Есть песня, которая расскажет о Грете Гарбо (Greta Garbo), другая песня – с иным сюжетом, «Plus grandir» – с третьим, «Libertine» – совсем нечто отличающееся... Я не думаю, что это идет в одном направлении. Это попытка внести максимум вещей в один и тот же альбом. Что касается исполнения, то я поставила хореографию, фактически являющуюся работой артиста. Нормально!

Эта работа заняла у нас шесть месяцев. Альбом был закончен осенью 1985 года. Длительная работа, которая чрезвычайно мне понравилась. Это действительно была коллективная работа. Для одной из песен я послала Лорана Бутонна, который был продюсером, режиссером и композитором, навестить монахов, «монахи без ума от Тибета». Так как женщин не пускают в те монастыри, то я не могла поехать. Поэтому он поехал туда со своим ламой и сделал там звукозапись.

Ещё я могу сказать об этом альбоме то, что я могла бы проиллюстрировать его образами. Существует проект, который я хотела сделать, но который был уже реализован. В то время это был проект другого артиста, а именно группы: иллюстрировать каждую песню видеоклипом. К сожалению, это требует чрезвычайно много средств и времени: это то, чего у меня тогда реально не было. Но я действительно очень хотела этого, так как в этом альбоме есть песни, мир которых очень визуален и кинематографичен.

«On est tous des imbéciles» не фигурировал в «Cendres de lune» по условиям договоров, вызванных сменой мной студии звукозаписи. Это песня, которую я всегда люблю, и если бы мы не имели этих проблем, она была бы включена в альбом. «Libertine» является обособленной песней альбома: остальные песни, образуя определенное единство, значительно отличались от неё. Различные причины сделали так, что с одной стороны «Libertine» стала дис-

ком на 45 оборотов, а с другой стороны – она стала успешной. Позже мы вставили в альбом «Tristana», так как появилось новое издание этого альбома на виниле, а также потому, что впервые он вышел на компакт-диске. Компакт-диск – это было маленькое звуковое чудо, я обожала этот новый предмет. Это было фантастикой в техническом плане. Я сказала, что я хотела бы иметь огромное количество дисков! И я хотела сделать существующий 30-ти сантиметровый диск немного больше, чем он был. К тому же, я получила песню, которая хорошо пошла: «Libertine» была не для её повтора, я хотела, чтобы «Tristana» тоже вошла в мой первый альбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.